

Финно-угорские языки: Фрагменты грамматического описания. Формальный и функциональный подходы.

Сборник статей / Отв. ред. Кузнецова А. И.

М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2012. 880 с. ISBN: 978-5-9551-0531-4.

1. Общие замечания

Рецензируемая книга представляет собой сборник из 18 статей, посвященных различным проблемам грамматики пяти финно-угорских диалектов — сернурского марийского, бесермянского удмуртского, печорского и ижемского коми-зырянского и шокшинского эрзянского. Такой выбор материала объясняется тем, что статьи написаны по материалам студенческих экспедиций Отделения теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ, которые проводились в места проживания¹ носителей перечисленных диалектов с 2000 по 2011 г. В этом плане сборник вписывается в серию книг, выходящих по результатам студенческих экспедиций начиная еще с 1970-х гг. (в их числе и знаменитые «Очерки по селькупскому языку», которые в этом журнале нет необходимости представлять).

О традиции студенческих лингвистических экспедиций, изобретенных на ОТиПЛе (тогда ОСиПЛе), о коллективной полевой работе, о ее значении в образовании студентов и часто о не меньшем значении в их жизни и, конечно, о роли в создании этой традиции недавно ушедшего из жизни А. Е. Кибрика (1939—2012) уже много написано (см. в первую очередь [Кодзасов 1999; Тестелец 1999; Тестелец рукопись; Борщев 2001; Кибрик 2005, 2007, 2008, 2010, 2011]). Постепенно практика таких экспедиций распространилась и на другие вузы, в частности, РГГУ и СПбГУ, и вслед за ней, что отрадно, пришли и публикации: это сборники по мишарскому диалекту татарского языка [Лютикова и др. (ред.) 2007], тубаларскому диалекту алтайского языка [Татевосов 2009], калмыцкому языку [Сай и др. (ред.) 2009] и монография, посвященная глагольной системе карачаево-балкарского [Лютикова и др. 2006]; а еще были книги по целому ряду дагестанских, адыгейскому и алюторскому языкам (из вышедших за последние годы стоит назвать [Kibrik 1996; Кибрик 1999, 2001; Кибрик, Кодзасов, Муравьева 2000; Тестелец (отв. ред.) 2009]). К сожалению, основные результаты некоторых экспедиционных маршрутов остаются пока неопубликованными — в рамках урало-алтайской тематики можно упомянуть материалы ненецких (2003—2005 гг., п. Нельмин Нос, Ненецкий автономный округ, рук. С. Г. Татевосов) и хантыйских (2010—2012 гг., с. Теги, Ханты-Мансийский автономный округ — Югра, рук. А. И. Кузнецова и С. Ю. Толдова) экспедиций ОТиПЛа, а также хакасских экспедиций РГГУ (2001—2002 гг., с. Казановка, Республика Хакасия, рук. Н. Р. Сумбатова) — все они, без сомнения, содержат множество интересных данных, и остается надеяться, что когда-нибудь они тоже будут представлены публике. Хочется пожелать, чтобы и нынешние мокшанские экспедиции МГУ (и НИУ ВШЭ) и башкирские экспедиции СПбГУ (и НИУ ВШЭ) принесли не меньше интересных открытий и проницательных описаний.

Все перечисленные выше книги объединяет очень высокий уровень, полностью соответствующий современному состоянию науки, хотя в своей основе, напомним, это все студенческие работы (ср. первый и чуть ли не самый известный такой опыт — «Табасаранские этюды» [Кибрик (ред.) 1982]). Верно, конечно, что за время между экспедициями и выходом книги бывшие первокурсники, поехавшие когда-то в свою первую экспедицию, иногда успевают защитить дипломы, если не диссертации. Однако несомненно, что уровень этих работ демонстрирует высокое качество полевой работы, а вместе с тем и образования на соответствующих отделениях и факультетах.

Рецензируемый сборник является одной из таких книг. Его ответственный редактор и бессменный руководитель самодийских и финно-угорских экспедиций МГУ — Ариадна Ивановна Кузнецова. В ре-

¹ Это, соответственно, экспедиции 2000, 2001 и 2004 гг. в с. Старый Торъял Новоторъяльского района Республики Марий Эл, экспедиции 2003—2005 и 2009—2011 гг. в д. Шамардан Юкаменского района Удмуртской Республики, экспедиции 2002—2003 гг. в д. Еремеево Троицко-Печорского района Республики Коми, экспедиции 2008—2010 гг. в с. Мужы Шурышкарского района Ямало-Ненецкого автономного округа и экспедиции 2006—2007 гг. в с. Шокша Теньгушевского района Республики Мордовия.

дактировании статей, в организации экспедиций и в руководстве студентами активное участие принимали также Н. В. Сердобольская, С. Ю. Толдова, С. С. Сай и Е. Ю. Калинина.

Сборник состоит из трех частей: в первую помещены 12 статей, представляющих собой сопоставительные исследования по нескольким финно-угорским языкам; во вторую — пять статей, написанных на материале только одного языка из перечисленных выше. Деление кажется достаточно условным: пять статей второй части все равно написаны под сопоставительным (т. е. типологическим) углом зрения. В третью часть выделены тексты, собранные в ходе экспедиций, записанные и расшифрованные в процессе полевой работы и впоследствии выверенные. Тексты сопровождаются переводом и поморфемной нотацией (глоссированием). В данном сборнике приводятся тексты на четырех идиомах: луговом марийском, печорском диалекте коми-зырянского, бесермянском удмуртском² и шокшинском эрзянском, — поскольку тексты на ижемском диалекте коми-зырянского языка были опубликованы ранее в [Бирюк и др. 2010]. Издание сопровождается также грамматическими таблицами по исследованным финно-угорским диалектам, списком сокращений, списком грамматических глосс и терминологическим указателем. Отдельно помещена статья А. И. Кузнецовой о взаимовлияниях и связях финно-угорских языков.

2. Краткая характеристика статей

Охарактеризуем кратко отдельные статьи.

Сборник открывается предисловием, написанным А. И. Кузнецовой и Н. В. Сердобольской, и упомянутой статьей А. И. Кузнецовой «Взаимовлияния и связи финно-угорских языков: финно-волжские и пермские языки глазами антропологов, этнографов и лингвистов». В статье рассматривается история миграций и других процессов, приведших к формированию нескольких этнических групп финно-угорских народов, в частности, таких обособленных по этническому или языковому признаку, как шокша, бесермяне, колвинские ненцы (т. е. ненцы, перешедшие на язык коми) и коми-ижемцы. Обсуждаются также вопросы возникновения билингвизма, имеющего в каждом ареале свои особенности.

Первая часть сборника начинается еще одной статьей А. И. Кузнецовой «Грамматические и лексические раритеты в языке бесермян в сопоставлении с другими уральскими языками». Статья содержит авторский взгляд на лингвистические раритеты, который, как кажется, весьма отличается от общепринятого понимания, отраженного, в частности, в [Головки (отв. ред.) 2010; Wohlgemuth, Cysouw (eds.) 2010]. Статья включает достаточно обширные интересные этнографические экскурсы (в частности, о праздниках). Помимо названий праздников и обрядов, рассматриваются также имена родства и свойства, предикативные формы имен, особая парадигма склонения одушевленных имен и, наконец, примеры энантиосемии (тема, которой посвящены и другие работы автора, см. ссылки в статье).

Статья Н. В. Сердобольской и С. Ю. Толдовой «Дифференцированное маркирование прямого дополнения в финно-угорских языках» посвящена явлению, хорошо известному и в типологии, и в уралоистике. Когда говорят о дифференцированном маркировании прямого дополнения (ПД), обычно имеют в виду оформление имени в позиции ПД показателями различных падежей (иногда также в сочетании с граммемой посессивности), однако оно может также заключаться в выборе безобъектной vs. субъектно-объектной согласовательной серии у глагола, как, например, в самодийских, обско-угорских и мордовских языках. В традиционных грамматиках финно-угорских языков в качестве фактора, определяющего выбор оформления ПД, обычно называется определенность. Авторы статьи сразу отмечают, что определенность является не единственным и даже не всегда главным таким фактором. Набор факторов, влияющих на выбор оформления ПД в исследованных идиомах, практически идентичен и включает следующие факторы: референциальный статус ПД, коммуникативное членение предложения, одушевленность ПД, временные и аспектуальные характеристики глагола, квантификация ПД, порядок слов, дискурсивная значимость ПД. Самое интересное заключается в том, что эти факторы по-разному ранжированы в различных языках. В статье используется многофакторный анализ, позволяющий увидеть даже тонкие различия между идиомами. В итоге для каждого идиома строится алгоритмическая модель, определяющая правила взаимодействия факторов и выбор конкретного способа оформления ПД. Описание, использующее подобный подход, представляется не только теоретически и типологически валидным, но и увлекательным с позиции читателя.

² Бесермянские тексты доступны также на сайте «Текстовые корпуса» (<http://corpora.iling-ran.ru/>) Института языкознания РАН. В настоящее время ведется работа по подготовке к выкладыванию в свободный доступ текстов на остальных языках.

Статья **М. Н. Усачёвой** «**Локативные падежи в составе групп с пространственным значением в пермских языках**» посвящена описанию функций локативных падежей в пермских языках. Автор подчеркивает, что часто единицы, происходящие из одного источника, имеют разный грамматический статус не только в близкородственных языках, но и в диалектах одного языка. Так, например, в бесермянском идиоме, в отличие от литературного удмуртского, *пуш* 'внутренность' трактуется как послелог, а не как реляционное имя, — в частности, потому, что эта единица утратила способность употребляться с показателями ядерных падежей.

Интерес представляют данные по «новым» показателям падежных серий и выражаемым ими локализациям. Так, в частности, показатель *-лань-* в литературном коми-зырянском может не только обозначать аппроксимативный тип движения (и в этом случае он является падежным), но и локализацию APUD и сочетаться в пределах словоформы с показателем одного из шести пространственных падежей (ср. *устьелань-ті-ыс* 'устье-APUD-PROL-POSS.3SG' = 'по местам около устья'; в таком случае, по-видимому, его следует признать показателем категории локализации). Эти и другие процессы находят параллель в прибалтийско-финских языках, в частности, в вепском.

Вызывает вопрос определение серийного послелога, используемое в работе. Основным критерием является способность послелога «присоединять показатели одного или более локативных падежей» (с. 161). Представляется логичным в качестве условия использовать способность единицы присоединять показатели двух и более локативных падежей. Впрочем, разница между этими определениями для пермских языков не критична, поскольку в них встречаются либо послелоги, которые вообще не изменяются по пространственным падежам (хотя сами и являются пространственными, как, например, послелог *кузя* 'вдоль' в коми-зырянском), либо присоединяют показатели трех и более пространственных падежей (как, например, *дор-* 'около' в коми-зырянском).

Тот факт, что локативные падежи в пермских языках все-таки могут выражать локализацию (а не только тип движения), сообщается читателю лишь во второй половине почти 80-страничной статьи, что выглядит несколько странным. Дальнейшая часть статьи посвящена толкованию пермских локативных падежей и локализаций с помощью структурных шаблонов в духе динамического подхода к семантике лексики, предложенного в работе [Падучева 2004]. В то же время, как нам кажется, остается не до конца аргументированным важный тезис о том, что «в настоящее время в системах средств выражения пространственных отношений в пермских языках наблюдается перераспределение функций: локализацию начинают выражать послеложные основы и периферийные показатели локализации, а локативные падежи специализируются в качестве средств выражения типов движения» (с. 186).

В статье **М. С. Шматовой** и **Е. А. Черниговской** «**Категория числа существительного в марийском и пермских языках**» представлено описание числового маркирования в трех финно-угорских языках. Основное внимание уделяется рассмотрению дифференцированного числового маркирования. В качестве важного фактора, определяющего выбор между маркированной и не маркированной по числу формой, называется референциальный статус ИГ. Значимой признается также роль иерархии одушевленности. В общем случае, показатель множественного числа чаще присоединяют обозначения людей, в то время как для неодушевленных имен предпочтительной оказывается немаркированная форма. В статье также описывается семантика числовых показателей, в том числе периферийные (неаддитивные) значения множественности.

Статья **А. И. Кузнецовой** «**Кумуляция грамматических значений в агглютинативных показателях: дейктические функции посессива в уральских языках**» посвящена анализу вторичных функций посессивных показателей в финно-угорских языках, которые трактуются автором как дейктические (в широком смысле). Статья публикуется вторично (впервые в [Кузнецова 2003]) и хорошо известна специалистам по уральским языкам, поэтому здесь мы не будем подробно останавливаться на ее характеристике.

Статья **А. П. Симоненко** и **А. П. Леонтьева** «**Морфосинтаксис именного комплекса в финно-пермских языках: анализ в рамках программы минимализма**» посвящена, как это следует из названия, сравнительному анализу структуры именного комплекса во всех пяти рассматриваемых в книге идиомах. Именной комплекс при этом понимается как синтаксическая составляющая, которая «включает модифицируемое имя, а также некоторые другие терминальные и фразовые элементы, и которая может иметь в качестве своей вершины иной терминальный элемент, нежели имя» (с. 262). Предлагаемый анализ опирается в первую очередь на положения минимализма. Первая часть статьи включает последовательное описание грамматических категорий имени в каждом из исследуемых идиомов, вторая — ин-

формацию об именных модификаторах, а именно кванторах, местоимениях, прилагательных, генитивных модификаторах и неоформленном имени в конструкции соположения.

Ряд морфосинтаксических особенностей имени в этих языках представляет несомненный интерес. В первую очередь это касается существования альтернативных порядков следования морфем падежа и possessивности во всех языках, кроме шокшинского эрзянского, но особенно интригующе выглядит показатель множественного числа *-vlak-* в марийском, способный занимать любую посткорневую позицию в именной словоформе. Авторы кратко намечают возможные пути объяснения подобного поведения показателя множественного числа и останавливаются на том, что для марийского его можно трактовать как адьюнкт, который может присоединяться к любой вершине. Такой подход учитывает гипотезу о сравнительно недавней грамматикализации *-vlak-*, а также тот факт, что данный показатель может опускаться в случае, если признак множественности выражен другим показателем.

Статья А. Б. Летучего и Д. И. Коломацкого «Повышающие актантные деривации в финно-угорских языках» является попыткой объединения разнородных данных под одним названием, к сожалению, попыткой весьма неудачной. Положение не спасает даже присутствие среди авторов А. Б. Летучего, специалиста по актантным деривациям и лабильности (ср. [Летучий 2013]), не участвовавшего, однако, в экспедициях и не занимавшегося финно-угорскими языками. Видя такое заглавие, читатель ожидает узнать, как минимум, некоторые базовые факты о каузативе (и, возможно, также об аппликативе, компаративе и других менее распространенных повышающих деривациях) в рассматриваемых языках. На самом деле читатель узнает что-то о повышающих деривациях, что-то о понижающих деривациях, что-то о полифункциональных показателях. В конечном итоге плохо срастающиеся между собой факты авторы пытаются связать с помощью т. н. теории семантической транзитивности [Hopper, Thompson 1980].

В статье не упоминается даже противопоставление контактной vs. дистантной каузации, при том что данная оппозиция является основной, если говорить о семантике каузативных конструкций (ср. хотя бы упоминаемые в статье классические сборники [Shibatani (ed.) 1976, 2002]), и, судя по немногочисленным примерам, рассматриваемые финно-угорские языки в какой-то мере допускают образование дистантных каузативов. В итоге читатель не узнаёт практически ничего ни про ограничения на образование каузативов, ни про возможные ограничения на их интерпретацию.

Кратко коснемся одной интересной проблемы, которую затрагивают авторы статьи, а именно полифункциональных показателей актантной деривации, на первый взгляд маркирующих противоположные типы преобразований. Такая ситуация действительно встречается в языках мира и не является типологически уникальной; вдобавок к названным в статье работам [Nedyalkov 1991; Галямина 2001] см., в частности, библиографию в [Schulze ms.]. В этой связи авторы рассматривают показатель *-alt-* в марийском и *-v-* в шокшинском эрзянском, при этом, как минимум, для шокшинского *-v-* трактовка в терминах акцессивно-рецессивной полисемии (см. [Nedyalkov 1991; Галямина 2001]) или же трактовка его как показателя, маркирующего «лишь факт мены диатезы» (с. 353), выглядит неубедительной. В статье утверждается, что при безобъектном спряжении *-v-* выполняет функцию понижающей / интерпретирующей актантной деривации, а при субъектно-объектном — повышающей (с. 349). Кроме этого, в статье указано, что существует также редкий специальный каузативный суффикс *-t-* / *-d-*, который обычно используется в сочетании с *-v-* (образуя последовательность *-v-t-*, которая фонетически при этом реализуется как [ft], с. 344).

Беглый анализ текстов на шокшинском диалекте, приведенных на с. 822—843 рецензируемого сборника, говорит о том, что гипотеза авторов в ее сильном виде не находит подтверждения. В большинстве случаев в примерах, где имеет место каузативное значение деривата, он содержит последовательность *-vt-* или *-ft-* (что, по-видимому, одно и то же, учитывая названные выше особенности транскрипции), иногда³ — по непонятным причинам — не отделенную от основы, хотя никаких проблем для морфемного членения нет и соответствующий производный глагол активно употребляется в языке. Ср. *oza-v-t-y-me* ‘(мы) посадили’ (предложение 1, с. 823), *tonaft-y-nde* ‘(она) научила (их)’ (2, с. 823), *oza-v-t-y-nde* ‘(он) посадил (их)’ (13—14, с. 828), *suva-v-t-y-me* ‘(мы) занесли’ (14, с. 842) и др.

Дериваты на *-ft-* (*-vt-*), как и любые переходные глаголы в шокшинском эрзянском, могут быть оформлены показателями безобъектного и субъектно-объектного спряжений (о факторах, влияющих на дифференцированное маркирование прямого дополнения, см. статью Н. В. Сердобольской и С. Ю. Тол-

³ Разнородность продолжается и на уровне чисто технического оформления: в примерах 24—28 в качестве разделителя между номером примера и самим примером почему-то используется точка, в то время как во всей остальной книге номера примеров заключены в круглые скобки. Проблемы с цифрами присутствуют и во Введении, где авторы, в частности, описывают структуру статьи: вместо «п. 1» (пункт 1), «п. 2» и «п. 3» следует читать «п. 2», «п. 3» и «п. 4» соответственно.

довой в рецензируемом сборнике). Что касается глаголов, имеющих каузативное значение и содержащих только *-v-*, во всех таких примерах (ср., в частности, два примера в тексте статьи, а также, например, *valas'ka-v-ta-dyz'* '(я вас) сделаю полными' в предложении 38 на с. 832) за показателем *-v-* следует показатель настоящего времени (в субъектно-объектном спряжении) *-sa- / -ta-*, в связи с чем отсутствие *-t-* можно объяснить либо морфонологическими процессами (впрочем, как минимум, в одном случае встречается последовательность *-vt-* перед *s*; ср. *jomavt-sy-t'* '(ты) потеряешь (их)' в предложении 11 на с. 828), либо артефактами записи⁴. Примечательно, что ни для стандартного эрзянского [Salo 2006], ни для близкородственного мокшанского [Цигельман 2006] среди многочисленных значений показателя *-v-* (в том числе модальных) ни разу не отмечалось каузативное.

Косвенно о том, что обсуждаемым в статье языковым фактам нельзя слепо доверять, свидетельствуют также и серьезные расхождения между данной статьей и статьей [Kalinina et al. 2006], несмотря на то, что они основаны во многом на одном и том же материале (правда, в английской статье обсуждаются данные только по староторъяльскому марийскому и печорскому коми-зырянскому, поскольку остальные на тот момент еще не были собраны), имеют одну и ту же цель (описание полисемии показателей актантной деривации) и общего соавтора.

Обращают на себя внимание различия в одних и тех же (!) примерах в названных статьях. Так, при обсуждении субъектного имперсонала, выражающего в марийском также модальность долженствования (~ 'приходилось'), в статье [Kalinina et al. 2006] эксплицитно утверждается, что прямое дополнение исходной диатезы в имперсональной конструкции по-прежнему маркируется аккузативом (ср. пример (13b) [Kalinina et al. 2006: 447]) и не может продвигаться в позицию подлежащего (ср. неграмматичный пример под звездочкой (13d) [Kalinina et al. 2006: 448]), в то время как в статье А. Б. Летучего и Д. И. Коломацкого заявляется, что в этом случае возможны две конструкции: одна безличная, а другая — «с номинативным подлежащим» (ср. тот же самый пример 'Раньше {и} траву приходилось есть' под номером (20) на с. 348 и обсуждение ниже).

Кардинальные различия присутствуют и в интерпретации фактов. Так, в статье [Kalinina et al. 2006] основной функцией марийского суффикса *-alt-* называется повышение переходности (ср. "we claim that *-alt* in agent demoting constructions is used in accordance with its core meaning — that of transitivity increase — and marks the presence of an agent in the semantic representation" [Kalinina et al. 2006: 452]), в то время как в статье А. Б. Летучего и Д. И. Коломацкого сказано, что «в марийском языке суффикс *-alt-* является прежде всего показателем понижающей и интерпретирующей актантной деривации» (с. 347), а каузативные употребления трактуются скорее как вторичные. К сожалению, по соображениям объема здесь нет более возможности останавливаться на недостатках и неточностях этой работы.

Статья Д. А. Паперно «Отрицательные конструкции финно-угорских языков как проблема теории языка» несколько выбивается из общего ряда по двум причинам. С одной стороны, автор сознательно не ограничивается исследуемыми в книге языками, а учитывает также материал некоторых прибалтийско-финских, саамских и венгерского языков. С другой стороны, автор использует только экспедиционные отчеты коллег и данные грамматик, хотя и признается, что написание работы его «вдохновило знакомство с печорским диалектом коми-зырянского языка и бесермянским наречием удмуртского языка» (с. 356).

Как известно, в большинстве финно-угорских и самодийских языков есть спрягаемое отрицание — отрицательный глагол, который несет по крайней мере часть показателей финитности. В статье рассматриваются стратегии маркирования времени, личного и числового согласования на отрицательном и / или смысловом глаголе. В начале статьи перечисляются три основные стратегии маркирования: 1) Neg+T+Agr V, т. е. когда показатели и времени, и согласования сосредоточены на отрицательном глаголе, а смысловой глагол лишен каких бы то ни было признаков финитности (например, в луговом марийском); 2) Neg+Agr V+T, т. е. когда показатели согласования выражены на отрицательном глаголе, а смысловой глагол различает (хотя бы частично) время (например, в финском); 3) Neg V+T+Agr, т. е. когда в отрицательной конструкции используется неизменяемая отрицательная частица и смысловой глагол в обычной спрягаемой форме (например, в хантыйских диалектах). Затем рассматриваются дальнейшие возможные «усложнения» основных стратегий, а также расщепленные системы, в которых оформление отрицательного *resp.* смыслового глагола показателями финитности дифференцировано в зависимости от времени или лица.

Как кажется, на этом можно было бы остановиться, но автор посвящает еще половину статьи попытке теоретической интерпретации названных фактов в русле современного порождающего синтаксиса,

⁴ Я благодарен А. А. Козлову, обратившему мое внимание на спорные вопросы шокшинской транскрипции.

однако в итоге приходит к выводу, что стандартные средства генеративного синтаксиса не позволяют удовлетворительно описать (и тем более объяснить) имеющиеся факты.

Статья **Н. В. Сердобольской, А. А. Ильевской, С. А. Минора, П. С. Митевой, А. В. Файнвейц и Н. С. Матвеевой «Конструкции с сентенциальными актантами в финно-угорских языках»** посвящена описанию стратегий оформления сентенциальных актантов (СА) в пяти исследуемых идиомах, синтаксису и семантике конструкций с сентенциальными актантами (КСА). Примечательно, что в этой статье публикуются результаты, полученные Анфисой Ильевской, студенткой 2-го курса ОТиПЛа МГУ, трагически погибшей в горах в 2001 г. Такое решение авторов выглядит абсолютно естественным и правильным. Анфиса занималась сентенциальными актантами в марийском языке, а также изучала типологические критерии выделения инфинитива [Ильевская, Калинина 2002].

Статья четко структурирована: сначала кратко перечисляются основные стратегии оформления СА в исследуемых идиомах, затем последовательно рассматриваются морфосинтаксические свойства стратегий оформления СА и семантика КСА. Нельзя не отметить полезность следующих обобщающих таблиц, облегчающих понимание и усвоение основного текста: «Именные и глагольные свойства инфинитивов в финно-угорских языках» (Таблица 1), «Морфосинтаксические свойства номинализаций в КСА» (Таблица 7), «Семантика основных стратегий кодирования СА в финно-угорских языках» (Таблица 8) и «Стратегии оформления СА при различных матричных предикатах» (вынесена в Приложение).

Авторы приходят к выводу, что с точки зрения выбора стратегии оформления СА изученные финно-угорские языки близки русской системе, поскольку «самыми важными параметрами являются противопоставление события факту / пропозиции и параметр односубъектности vs. разносубъектности для глаголов потенциальной ситуации или каузации» (с. 462). Отмечается также ряд типологически нетривиальных синтаксических особенностей финно-угорских языков: в частности, способность номинализаций и СА с комплементарными включать вопросительные слова; подъем и смещение отрицания в пермских языках, дублирование субъекта СА в коми-зырянском языке и др. Авторы поднимают также важный вопрос о проблеме разграничения семантики матричного предиката и семантики собственно стратегии оформления СА. Дело в том, что семантика матричных предикатов в финно-угорских языках часто оказывается намного шире семантики их русских эквивалентов. И «те компоненты значения, которые в русском языке и других языках европейского стандарта принадлежат семантике матричного предиката, в финно-угорских языках выражаются за счет выбора стратегии. Например, при глаголах с семантикой ‘думать’ в марийском и бесермянском значение ‘хотеть’ возникает в контексте оптатива в СА» (с. 463).

Статья **М. М. Брыкиной и Н. Б. Араловой «Системы причастий в марийском и пермских языках»** представляет описание систем причастий лишь в трех финно-угорских идиомах: староторъяльском говоре марийского языка, печорском диалекте коми-зырянского языка (говор д. Еремеево) и бесермянском удмуртском (говор д. Шамардан). Для каждого идиома отдельно описывается морфология, семантика и синтаксис причастных форм и оборотов, а также их функции, отличные от причастных. Все три идиома объединяет наличие специальной формы активного причастия с когнатным показателем (л.-мар. *-še*, к.-з. *-iš'*, бес. *-š'*), релятивизирующей только позицию подлежащего, и «*m*-формы» общего происхождения (л.-мар. *-me*, к.-з. *-am*, бес. *-em*), способной функционировать и как отглагольное имя (вершина ИГ), и как причастие (модификатор ИГ). Последняя при этом, функционируя как причастие, в печорском и бесермянском имеет в основном перфективное значение и «релятивизирует широкий спектр синтаксических позиций, включая подлежащее непереходного глагола. В марийском эта форма не релятивизирует позицию подлежащего; в то же время ее употребление не ограничено перфективным контекстом» (с. 518). Рассматриваются также «*n*-форма» в коми-зырянском и бесермянском, причастие будущего времени на *-šaš* в луговом марийском, отрицательные причастия. Что касается способов выражения субъекта в причастных оборотах, наиболее распространенным является генитив, но в разных идиомах могут использоваться также инструменталис и номинатив.

Следующая статья, «**Финитные относительные предложения в марийском и эрзя-мордовском языках**», написана теми же авторами, что и предыдущая, но их вклад в данном случае, по-видимому, обратно пропорционален, потому что на этот раз их фамилии перечислены уже в алфавитном порядке. Отчасти этот раздел дополняет статья О. И. Беляева, посвященная одной из финитных конструкций относительного предложения в бесермянском (о которой см. ниже). В шокшинском эрзянском и луговом марийском возможны две основные стратегии релятивизации с помощью финитного относительного предложения: «европейская» — с вершинной ИГ в главной клаузе и относительным местоимением, кореферентным вершине, в относительной клаузе — и внутривершинная стратегии. Последняя при этом используется

только в рестриктивных контекстах. Обе стратегии в обоих языках могут релятивизовывать все синтаксические позиции в иерархии Кинэна—Комри (позиция объекта сравнения, однако, не рассматривалась).

Заключительный раздел Части I рецензируемого сборника — статья **А. А. Волковой «Синтаксические особенности возвратных местоимений в финно-угорских языках»**. А. А. Волкова давно занимается рефлексивами в уральских языках; ср. итог ее многолетней работы [Volkova 2014]. В четырех рассматриваемых финно-угорских языках местоимения л.-мар. *škenže*, к.-з. *ač'ys*, удм. *ač'iz* и эрз. *es' pr'et'*, будучи основными рефлексивными стратегиями, не являются рефлексивами в строгом смысле слова, т. к. они, в частности, допускают расщепленный антецедент. В связи с этим автор статьи предлагает называть их «псевдорексифами, поскольку они могут выполнять функции рефлексивных местоимений, однако также обладают некоторыми свойствами простых анафорических местоимений» (с. 555). Такое поведение данных местоимений отчасти объясняется их грамматикализацией из посессивной ИГ с показателем посессивности и основой, восходящей исторически к существительному 'душа'. При этом в марийском и удмуртском существуют также составные рефлексивы, состоящие из двух форм возвратного местоимения: л.-мар. *škenžam ške*, удм. *asže ač'iz*. Составные рефлексивы по своим свойствам как раз наиболее близки к прототипическим рефлексивам. В статье также демонстрируется, что материал финно-угорских языков не позволяет считать позицию рефлексива «ИГ, входящая в нефинитную зависимую предикацию» однородной. Автор предлагает дифференцировать ее, выделив три подпозиции, занимающие непрерывную область на иерархии позиций рефлексива (ср. наиболее известные варианты иерархий в [Manzini, Wexler 1987; Тестелец, Толдова 1998]): ИГ в составе инфинитивного оборота, ИГ в составе причастного оборота и ИГ в составе номинализации или деепричастного оборота.

Часть II «Частные исследования по финно-угорским языкам» открывается статьей **Р. И. Идрисова «Вокализм бесермянского диалекта удмуртского языка на материале говора д. Шамардан Юкаменского района Удмуртии»**, представляющей собой экспериментальное исследование достаточно проблемного бесермянского вокализма. В бесермянском встречается восемь гласных, из которых наиболее редкими являются /i/ и /ə/ (/ы/ и /ө/). Наиболее интересен статус /ə/, которая может реализовываться как [ə], [e], [ʌ] или [o] ([ō], [э], [ъ] или [o]). Столь высокая вариативность может быть связана либо с процессом языкового сдвига, либо с компактностью этноязыковой группы; ср. [Ханина, Шлуинский 2009].

Автором был записан звуковой корпус, состоящий из 16 различных односложных слов, от семи дикторов-бесермян (четыре мужчин и трех женщин), которых можно условно разделить на три поколения (подробности эксперимента см. в статье). Акустический анализ проводился в программе Praat [Boersma, Weenink 2010]. Всего было получено и проанализировано 448 произнесений. Основным выводом, к которому приходит автор, состоит в том, что в бесермянском (в говоре д. Шамардан), в отличие от литературного удмуртского, действительно четыре степени подъема, однако вокализм других бесермянских говоров требует дальнейшего изучения.

Статья **О. Л. Бирюк и М. Н. Усачёвой «Дискурсивные факторы, влияющие на выбор между послеложной и послеложно-падежной формой в бесермянском диалекте удмуртского языка (экспериментальное исследование)»** тесно связана со статьей М. Н. Усачёвой, представленной в Части I сборника, в которой говорилось, что синонимия падежных форм имени и послеложных конструкций в пермских языках возникла, в частности, из-за утери противопоставления внешнеместных и внутреннеместных падежей. Однако полная синонимия грамматических средств очень редка, и статья О. Л. Бирюк и М. Н. Усачёвой как раз посвящена изучению на материале одного идиома (бесермянского удмуртского) возможных факторов, определяющих выбор между двумя стратегиями выражения пространственных отношений. К сожалению, здесь нет места раскрывать суть эксперимента; он достаточно сложный. Основным результатом, к которому приходят авторы, состоит в выявлении значимости фактора эмфатического выделения: когда такое выделение имеет место, употребляются скорее конструкции с послелогом.

Статья **О. И. Беляева «Коррелятивная конструкция и относительные предложения с внутренней вершиной в бесермянском диалекте удмуртского языка»** в свою очередь переключается со статьями Н. Б. Араловой и М. М. Брыкиной (см. разделы I.10 и I.11 сборника), охарактеризованными выше. Автор отмечает, что в большинстве работ считается, что в коррелятивной конструкции относительная клауза может быть расположена только слева от главной, однако в бесермянском встречаются и примеры, в которых относительная клауза в коррелятивной конструкции вложена в главную; ср. данные осетинского языка, где такое вложение очень частотно [Беляев 2014]. В статье подчеркивается, что структура коррелятивной конструкции в бесермянском сильно отличается от структуры канонического отно-

сительного предложения и не может быть описана в тех же терминах. Автор предлагает для нее анализ в духе Лексико-функциональной грамматики (LFG; см., например, [Dalrymple 2001]). Кроме того, в берсермянском присутствует конструкция с внешней вершиной, которая на поверхностном уровне отличается от коррелятивной лишь отсутствием в главном предложении местоимения-коррелята.

В статье С. А. Минора «Контроль инфинитивных оборотов при глаголах речевого действия в марийском языке» описываются синтаксические свойства конструкций с глаголами речевого действия, сентенциальный акт которых выражен инфинитивной клаузой. Под глаголами речевого действия понимаются, в соответствии с терминологией работы [Падучева 2004], глаголы с основным участником-Агенсом, достигающим своей цели говорением. Таким образом, из рассмотрения исключены глаголы типа *проговориться*, *болтать*, *шептать* и др. Все рассмотренные глаголы допускают частичный контроль, при котором референция нулевого субъекта инфинитивного оборота включает референта контролирующей ИГ, но не равна ей. Однако расщепленный контроль, при котором «нулевой субъект инфинитивной клаузы обозначает группу, состоящую из референтов двух именных аргументов вершинной клаузы» (с. 693), допускают не все предикаты. В статье предлагается объяснение ограничений на расщепленный контроль (и на сдвиг контроля), связанное с лексической семантикой вершинных предикатов. Расщепленный контроль (и сдвиг контроля) допускают лишь те предикаты, оба аргумента которых связаны отношением каузации или бенефактивности с ситуацией, описываемой инфинитивной клаузой.

В статье Н. Л. Шибасовой «Тенденция парных существительных к цельнооформленности в луговом марийском языке» изложены некоторые наблюдения над оформлением парных слов типа *мать-отец*, *хлеб-соль* в марийском языке показателями посессивности и падежа. Автор приходит к выводу, что такие существительные в исследованном идиоме ведут себя не единообразно при словоизменении: часть слов регулярно присоединяет словоизменительные показатели лишь один раз, часть выступает в двух вариантах, т. е. может также принимать словоизменительные аффиксы дважды.

В разных статьях мы видим различное соотношение данных теории и типологии, фактов рассматриваемых идиомов и анализа. Большая часть статей написана в рамках функционального подхода, однако некоторые авторы активно используют формально ориентированные теории и собственно формализмы (что отражено уже в подзаголовке книги). Так, статья А. П. Симоненко и А. П. Леонтьева написана в рамках минимализма, а аналитическая часть статьи О. И. Беляева — в рамках Лексико-функциональной грамматики. На наш взгляд, применение формальных теорий может быть полезно в тех случаях, когда они помогают объяснить разрозненные факты или даже обнаружить их (ср. об этом [Nordlinger 2007]). В этом смысле формализмы в указанных статьях занимают свое законное место. Несколько неуместным выглядит лишь использование генеративного подхода в статье Д. А. Паперно, поскольку сам автор приходит к выводу, что «стандартных средств генеративного синтаксиса недостаточно для удовлетворительного описания расщепленных стратегий маркирования отрицательных конструкций в финно-угорских языках» (с. 379). Также, пожалуй, отчасти лишним выглядит представление позиций послелогов, падежей и «серийных» показателей на синтаксическом дереве в статье М. Н. Усачёвой, поскольку это практически никак не используется в работе. В то же время, независимо от выбранного подхода, в общем и целом статьи рецензируемого сборника объединяют высокий уровень и внимание к самим языковым данным.

3. Редактура

Стоит отметить самоотверженный труд редакторов сборника. Опечатки встречаются достаточно редко и, как правило, не мешают пониманию текста. Так, можно отметить «пролатив 23» вместо «пролатив 2» в таблице 1 на с. 143, два PRT (один раз вместо PRS) в таблицах глосс для коми-зырянского (с. 852) и т. д. В некоторых местах книги также вместо капители употреблены заглавные буквы. Транслитерация «Иликоски» вместо «Юликоски» для финской фамилии Ylikoski, на наш взгляд, менее предпочтительна. Встречаются, впрочем, и более серьезные небрежности, в том числе, к сожалению, и в самих языковых примерах: *aje-e-lys'* 'отец-1SG-GEN2' вместо *aj-e-lys'* на с. 414, отсутствие палатализации в примере 88 на с. 93 в основе глагола *n'i-* 'видеть' (ср. пример 90 на с. 94) и др. Впрочем, при таком количестве примеров отдельные ошибки, конечно, практически неизбежны.

Среди новаторских оформительских решений стоит отметить наличие в книге двух содержаний. Первое, краткое, устроено привычным образом и содержит лишь названия частей и разделов (статей), фамилии авторов и номера страниц; второе — подробное — отражает внутреннее деление каждого раздела. Кроме того, в ряде статей сразу после фамилии автора содержится указание на особо значимый

вклад другого коллеги, не являющегося при этом соавтором. Так, в начале статьи А. А. Волковой на следующей строке после фамилии автора стоит «При участии С. Ю. Толдовой» (с. 543). Оба эти нововведения, как кажется, должны быть восприняты положительно.

Нельзя не отметить также значительное число фотографий (к сожалению, черно-белых), на которых изображены как экспедиционеры, так и информанты, в том числе за работой.

Выскажем несколько комментариев относительно транскрипции и глоссирования. Вряд ли можно признать удачным обозначение глухих сонорных в шокшинском эрзянском с помощью надстрочного ^h. Как правило, таким знаком обозначают аспирацию (как пре-, так и постаспирацию) согласного. Придыхательные согласные обычно противопоставляются глухим и звонким в рамках параметра времени начала озвончения (англ. VOT — voice onset time). В то же время в шокшинском, насколько известно, существует оппозиция именно звонких и глухих сонорных. Последние в Международном фонетическом алфавите обозначаются с помощью другого диакритического знака, например, /ʎ/ и /ɣ/. Возможно, впрочем, что таким образом авторы стремились быть ближе к эрзянской орфографии.

Несмотря на то, что полезность грамматических таблиц для исследуемых идиомов в конце книги невозможно переоценить, некоторые технические решения представляются поспешными. В частности, опущение глоссы первого лица в глагольных формах на ижемском и печорском коми-зырянском и бесермянском удмуртском ставит сперва в тупик при чтении примеров. В связи с этим, например, коми-зырянская словоформа *pukt-i* получает глоссирование ‘класьть-PRT’ вместо ‘класьть-PRT.1SG’, которое выглядело бы более информативным (в других местах сборника в основе этого глагола может также выделяться показатель повышающей актантной деривации, ср. *puk-t-* ‘сидеть-TR’, однако сейчас это нерелевантно). Выбор глоссы ‘PRT’ вместо более привычной ‘PST’ для прошедшего времени также нуждается в дополнительном пояснении, в особенности потому, что для того же коми-зырянского используется также глосса ‘NPST’ (в коми-зырянском, как в ижемском, так и в печорском, настоящее и будущее различаются только в формах третьего лица, но не первого и второго), которую логично было бы противопоставлять именно глоссе ‘PST’.

Все отмеченные недостатки и неточности несколько не умаляют значимости и ценности рецензируемой книги. Несомненно, сборник представляет интерес как для специалистов по уральским языкам, так и для типологов, синтаксистов и семантистов. Данная книга — важный итог многолетней работы не только авторского коллектива, но и всех, кто принимал участие в экспедициях (а это более 75 студентов, аспирантов, преподавателей и научных сотрудников), с одной стороны, и информантов (число которых более 200), с другой. Остается только вместе с авторами поблагодарить всех носителей языка за то, что они делились и продолжают делиться с лингвистами своими знаниями.

Сокращения

Языки и диалекты

англ. — английский	удм. — удмуртский
к.-з. — коми-зырянский	бес. — бесермянский диалект
л.-мар. — луговой марийский	эрз. — эрзянский

Глоссы

APUD — локализация APUD ‘любая область пространства рядом с ориентиром / вблизи ориентира’	PRS — настоящее время
GEN2 — второй генитив	PRT — претерит
NPST — непрошедшее время	PST — прошедшее время
POSS — посессивность	SG — единственное число
PROL — пролатив	TR — повышающая актантная деривация
	1 — первое лицо
	3 — третье лицо

Общие

ИГ — именная группа	Agг — показатель субъектного согласования
КСА — конструкции с сентенциальными актантами	Neg — показатель отрицания
ПД — прямое дополнение	T — показатель времени
СА — сентенциальный актанта	V — глагол

Литература

- Беляев 2014 — *Беляев О. И.* Коррелятивная конструкция в осетинском языке в типологическом освещении. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2014. {*Bel'aeV O. I. Korrel'ativnaja konstrukcija v osetinskom jazyke v tipologičeskom osveščeenii. Diss. ... kand. filol. nauk. M., 2014.*}
- Бирюк и др. 2010 — *Бирюк О. Л., Кашкин Е. В., Кузнецова А. И., Усачёва М. Н.* Словарь мужевского говора ижемского диалекта коми-зырянского языка. Екатеринбург, 2010. {*Bir'uk O. L., Kaškin E. V., Kuznecova A. I., Usach'eva M. N. Slovar' muževskogo govora ižemskogo dialekta komi-zyr'anskogo jazyka. Ekaterinburg, 2010.*}
- Борщев 2001 — *Борщев В. В.* За языком. М., 2001. {*Borščev V. V. Za jazykom. M., 2001.*}
- Галямина 2001 — *Галямина Ю. Е.* Акцессивно-рецессивная полисемия показателей залога и актантной деривации // Исследования по теории грамматики. Вып. 1 / Ред. *Плунгян В. А. М.*, 2001. С. 178—197. {*Gal'amina Ju. E. Akcessivno-recessivnaja polisemija pokazatelej zaloga i aktantnoj derivacii // Issledovaniya po teorii grammatiki. Vol. 1 / Ed. Plung'an V. A. M., 2001. P. 178—197.*}
- Головки (отв. ред.) 2010 — Типологически редкие и уникальные явления на языковой карте России. Тезисы докладов международной научной конференции, проходившей в Санкт-Петербурге 2—4 декабря 2010 г. / Отв. ред. *Головки Е. В.* СПб., 2010. {*Tipologičeski redkie i unikal'nye javlenija na jazykovoju karte Rossii. Tezisy dokladov meždunarodnoj naučnoj konferencii, prohodivšej v Sankt-Peterburge 2—4 dekabr'a 2010 g. / Ed. Golovko E. V. SPb., 2010.*}
- Ильевская, Калинина 2002 — *Ильевская А. А., Калинина Е. Ю.* Типологические критерии инфинитива: существуют ли они? // Лингвистический беспредел. Сборник статей к 70-летию А. И. Кузнецовой / Ред. *Кибрик А. Е. М.*, 2002. С. 241—261. {*Il'evskaja A. A., Kalinina E. Ju. Tipologičeskie kriterii infinitiva: suščestvujut li oni? // Lingvističeskij bespredel. Sbornik statej k 70-letiju A. I. Kuznecovoj / Ed. Kibrik A. E. M., 2002. P. 241—261.*}
- Кибрик 1999 — Элементы цахурского языка в типологическом освещении / Ред.-сост. *Кибрик А. Е. М.*, 1999. {*Elementy saxurskogo jazyka v tipologičeskom osveščeenii / Ed. Kibrik A. E. M., 1999.*}
- Кибрик 2001 — Багвалинский язык: Грамматика. Тексты. Словари / Ред.-сост. *Кибрик А. Е. М.*, 2001. {*Bagvalinskij jazyk: Grammatika. Teksty. Slovarei / Ed. Kibrik A. E. M., 2001.*}
- Кибрик 2005 — *Кибрик А. Е.* Опыт ОТиПЛа (филфак МГУ) в изучении малоописанных языков // Малые языки и традиции: Существование на грани. Вып. 1. Лингвистические проблемы сохранения и документации малых языков / Ред. *Кибрик А. Е. М.*, 2005. С. 53—71. {*Kibrik A. E. Opyt OTiPLa (filfak MGU) v izučenii maloopisannyx jazykov // Malye jazyki i tradicii: Suščestvovanie na grani. Vol. 1. Lingvističeskie problemy soxranenija i dokumentacii malyx jazykov / Ed. Kibrik A. E. M., 2005. P. 53—71.*}
- Кибрик 2007 — *Кибрик А. Е.* Диалог лингвиста с носителем: В поисках полевого метода и формата лингвистического описания // «На меже меж Голосом и Эхом». Сборник статей в честь Татьяны Владимировны Цивьян / Сост. *Зайonc Л. О. М.*, 2007. С. 308—328. {*Kibrik A. E. Dialog lingvista s nositelem: V poiskax polevogo metoda i formata lingvističeskogo opisanija // "Na meže mež Golosom i Exom". Sbornik statej v čest' Tat'jany Vladimirovny Civ'jan / Sost. Zajonc L. O. M., 2007. P. 308—328.*}
- Кибрик 2008 — *Кибрик А. Е.* Экспедиционные истории 2: Начало дагестанских сопоставительных штудий (1973) // Фонетика и нефонетика: К 70-летию Сандро В. Кодзасова. М., 2008. С. 23—32. {*Kibrik A. E. Ekspedicionnye istorii 2: Načalo dagestanskix sopostavitel'nyx študij (1973) // Fonetika i nefonetika: K 70-letiju Sandro V. Kodzasova. M., 2008. P. 23—32.*}
- Кибрик 2010 — *Кибрик А. Е.* Экспедиционные истории 3: Продолжение дагестанских сопоставительных штудий (1974—1977) // В пространстве языка и культуры: Звук, знак, смысл. Сборник статей в честь 70-летия В. А. Виноградова / Отв. ред. *Демьянков В. З., Порхомовский В. Я. М.*, 2010. С. 807—842. {*Kibrik A. E. Ekspedicionnye istorii 3: Prodolženie dagestanskix sopostavitel'nyx študij (1974—1977) // V prostranstve jazyka i kul'tury: Zvuk, znak, smysl. Sbornik statej v čest' 70-letija V. A. Vinogradova / Ed. Dem'jankov V. Z., Porxomovskij V. Ja. M., 2010. P. 807—842.*}
- Кибрик 2011 — *Кибрик А. Е.* Экспедиционные истории 4: Завершение дагестанских сопоставительных штудий (1978—1984) // Слово и язык. Сборник статей к 80-летию академика Ю. Д. Апресяна / Отв. ред. *Богуславский И. М., Иомдин Л. Л., Крысин Л. П. М.*, 2011. С. 422—445. {*Kibrik A. E. Ekspedicionnye istorii 4: Zaveršenie dagestanskix sopostavitel'nyx študij (1978—1984) // Slovo i jazyk. Sbornik statej k 80-letiju akademika Ju. D. Apres'ana / Ed. Boguslavskij I. M., Iomdin L. L., Krysin L. P. M., 2011. P. 422—445.*}
- Кибрик (ред.) 1982 — Табасаранские этюды: Материалы Дагестанской экспедиции. 1979 / Ред. *Кибрик А. Е. М.*, 1982. {*Tabasaranskije et'udy: Materialy Dagestanskoj ekspedicii. 1979 / Ed. Kibrik A. E. M., 1982.*}
- Кибрик, Кодзасов, Муравьева 2000 — *Кибрик А. Е., Кодзасов С. В., Муравьева И. А.* Язык и фольклор алыторцев. М., 2000. {*Kibrik A. E., Kodzasov S. V., Murav'eva I. A. Jazyk i fol'klor al'utorcev. M., 2000.*}
- Кодзасов 1999 — *Кодзасов С. В.* Жизнь как экспедиция // Типология и теория языка: от описания к объяснению. К 60-летию А. Е. Кибрика / Ред. *Рахилина Е. В., Тестелец Я. Г. М.*, 1999. С. 623—627. {*Kodzasov S. V. Žizn' kak ekspedicija // Tipologija i teorija jazyka: ot opisanija k ob'jasneniju. K 60-letiju A. E. Kibrika / Ed. Raxilina E. V., Testelec Ja. G. M., 1999. P. 623—627.*}

Кузнецова 2003 — Кузнецова А. И. Кумуляция грамматических значений в агглютинативных показателях: Дейктические функции посессива в уральских языках // Международный симпозиум по дейктическим системам и квантификации в языках Европы и Северной и Центральной Азии: Сборник статей / Ред. Суйхконен П., Комри Б. Ижевск—Лейпциг, 2003. С. 249—259. {Kuznecova A. I. Kumul'acija grammatičeskix značenij v aggl'utinativnyx pokazatel'ax: Dejktičeskie funkcii posessiva v ural'skix jazykax // Meždunarodnyj simpozium po dejktičeskim sistemam i kvanifikacii v jazykax Evropy i Severnoj i Central'noj Azii: Sbornik statej / Ed. Suihkonen P., Comri B. Iževsk—Lejpcig, 2003. P. 249—259.}

Летучий 2013 — Летучий А. Б. Типология лабильных глаголов. М., 2013. {Letučij A. B. Tipologija labil'nyx glagolov. M., 2013.}

Лютикова и др. 2006 — Лютикова Е. А., Татевосов С. Г., Иванов М. Ю., Пазельская А. Г., Шлуинский А. Б. Структура события и семантика глагола в карачаево-балкарском языке. М., 2006. {L'utikova E. A., Tatevosov S. G., Ivanov M. Ju., Pazel'skaja A. G., Šluinskij A. B. Struktura sobytija i semantika glagola v karačaevobalkarskom jazyke. M., 2006.}

Лютикова и др. (ред.) 2007 — Мишарский диалект татарского языка: Очерки по синтаксису и семантике / Ред. Лютикова Е. А., Казенин К. И., Соловьев В. Д., Татевосов С. Г. Казань, 2007. {Mišarskij dialekt tatarskogo jazyka: Očerki po sintaksisu i semantike / Ed. L'utikova E. A., Kazenin K. I., Solov'ev V. D., Tatevosov S. G. Kazan', 2007.}

Падучева 2004 — Падучева Е. В. Динамические модели в семантике лексики. М., 2004. {Padučeva E. V. Dinamičeskie modeli v semantike leksiki. M., 2004.}

Сай и др. (ред.) 2009 — Исследования по грамматике калмыцкого языка / Ред. Сай С. С., Баранова В. В., Сердобольская Н. В. СПб., 2009. (= Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН. Т. V. Часть 2. СПб., 2009.) {Issledovanija po grammatike kalmyckogo jazyka / Ed. Saj S. S., Baranova V. V., Serdobol'skaja N. V. SPb., 2009. (=Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvističeskix issledovanij RAN. Vol. V. Part 2. SPb., 2009.)}

Татевосов 2009 — Тубаларские этюды / Ред.-сост. Татевосов С. Г. М., 2009. {Tubalarskie et'udy / Ed. Tatevosov S. G. M., 2009.}

Тестелец 1999 — Тестелец Я. Г. Предисловие // Типология и теория языка: от описания к объяснению. К 60-летию А. Е. Кибрика / Ред. Рахилина Е. В., Тестелец Я. Г. М., 1999. С. 11—16. {Testelec Ja. G. Predislovie // Tipologija i teorija jazyka: ot opisanija k ob"jasneniju. K 60-letiju A. E. Kibrika / Ed. Raxilina E. V., Testelec Ja. G. M., 1999. P. 11—16.}

Тестелец рукопись — Тестелец Я. Г. «Экспедиционные воспоминания» «Поздней осенью или зимой 1975 г. (<...>» // http://otipl.philol.msu.ru/~kibrik/media/Testelec_vospominanija.pdf. {Testelec Ja. G. «Ekspedicionnye vospominanija» “Pozdnej osen'ju ili zimoj 1975 g. <...>” // http://otipl.philol.msu.ru/~kibrik/media/Testelec_vospominanija.pdf.}

Тестелец (отв. ред.) 2009 — Аспекты полисинтетизма: Очерки по грамматике адыгейского языка / Отв. ред. Тестелец Я. Г. М., 2009. {Aspekty polisintetizma: Očerki po grammatike adygejskogo jazyka / Ed. Testelec Ja. G. M., 2009.}

Тестелец, Толдова 1998 — Тестелец Я. Г., Толдова С. Ю. Рефлексивные местоимения в дагестанских языках и типология рефлексива // Вопросы языкознания. 1998, 4. С. 35—57. {Testelec Ja. G., Toldova S. Ju. Refleksivnye mestoimenija v dagestanskix jazykax i tipologija refleksiva // Voprosy jazykoznanija. 1998, 4. P. 35—57.}

Ханина, Шлуинский 2009 — Ханина О. В., Шлуинский А. Б. Проблемы описания и трактовки фонологической вариативности в условиях языкового сдвига (на материале энецкого языка) // III международная конференция по полевой лингвистике: Тезисы и материалы. М., 2009. С. 172—178. {Xanina O. V., Šluinskij A. B. Problemy opisanija i traktovki fonologičeskoj variativnosti v uslovijax jazykovogo sdviga (na materiale eneckogo jazyka) // III meždunarodnaja konferencija po polevoj lingvistike: Tezisy i materialy. M., 2009. P. 172—178.}

Цигельман 2006 — Цигельман К. Mokšan kielen v-johtimesta // Финно-угристика — 7: Актуальные вопросы восточных финно-угорских языков. Материалы научной конференции «Актуальные вопросы восточных финно-угорских языков», посвященной 80-летию профессора Цыганкина Д. В. (г. Саранск, 25—27 октября 2005 г.). Саранск, 2006. С. 303—309. {Ziegelmann K. Mokšan kielen v-johtimesta // Finno-ugristika — 7: Aktual'nye voprosy vostočnyx finno-ugorskix jazykov. Materialy naučnoj konferencii “Aktual'nye voprosy vostočnyx finno-ugorskix jazykov”, posv'aščennoj 80-letiju professora Cygankina D. V. (g. Saransk, 25—27 okt'abr'a 2005 g.). Saransk, 2006. P. 303—309.}

Boersma, Weenink 2010 — Boersma P., Weenink D. Praat: Doing phonetics by computer (version 5.1.34) // <http://www.praat.org/>.

Dalrymple 2001 — Dalrymple M. Lexical-Functional Grammar. New York, 2001.

Hopper, Thompson 1980 — Hopper P. J., Thompson S. A. Transitivity in grammar and discourse // Language. 1980. Vol. 56. No. 2. P. 251—299.

Kalinina et al. 2006 — Kalinina E., Kolomatsky D., Sudobina A. Transitivity increase markers interacting with verb semantics // Case, Valency and Transitivity / Ed. Kulikov L., Malchukov A., de Swart P. Amsterdam—Philadelphia, 2006. P. 441—463.

- Kibrik 1996 — Godoberi (Lincom Studies in Caucasian Linguistics 02) / Ed. *Kibrik A. E.* München—Newcastle, 1996.
- Manzini, Wexler 1987 — *Manzini M. R., Wexler K.* Parameters, binding theory, and learnability // *Linguistic inquiry*. 1987. Vol. 18. No. 3. P. 413—444.
- Nedyalkov 1991 — *Nedyalkov I. V.* Recessive-accessive polysemy of verbal affixes // *Languages of the World*. 1991, 1. P. 4—31.
- Nordlinger 2007 — *Nordlinger R.* It's not what you do, it's the way that you do it: The role of formal theory in language description. Handout for invited plenary presentation given at the Australian Linguistics Society Conference (Adelaide, September 2007) // <http://languages-linguistics.unimelb.edu.au/sites/languages-linguistics.unimelb.edu.au/files/nordlinger-its-not-what-you-do.pdf>, 2007.
- Salo 2006 — *Salo M.* The passive in Erzya Mordvin folklore // *Passivization and typology: Form and function* / Ed. *Abraham W., Leisiö L.* Amsterdam—Philadelphia, 2006. P. 165—190.
- Schulze ms. — *Schulze W.* On Instances of Causative / Passive Homonymy. Manuscript // <http://schulzewolfgang.de/material/causative%20and%20passive.pdf>.
- Shibatani (ed.) 1976 — *The Grammar of Causative Constructions* / Ed. *Shibatani M.* New York, 1976. (= *Syntax and Semantics*. 1976, 6.)
- Shibatani (ed.) 2002 — *The Grammar of Causation and Interpersonal Manipulation* / Ed. *Shibatani M.* Amsterdam—Philadelphia, 2002.
- Volkova 2014 — *Volkova A.* Licensing Reflexivity: Unity and variation among selected Uralic languages. PhD dissertation. Utrecht, 2014.
- Wohlgemuth, Cysouw (eds.) 2010 — *Rara & rarissima: Documenting the fringes of linguistic diversity* / Ed. *Wohlgemuth J., Cysouw M.* Berlin—New York, 2010.

РЕЗЮМЕ

В данной рецензии подробно рассмотрены статьи из сборника «Финно-угорские языки: Фрагменты грамматического описания. Формальный и функциональный подходы» (М., 2012). Автор уделяет внимание основным достоинствам и недостаткам статей, отмечая значимость каждой из них.

SUMMARY

The author considers articles from the book “The Finno-Ugric languages: Fragments of the grammatical description. Formal and functional methods” (Moscow, 2012). The author pays attention to the main advantages and disadvantages of the articles.

Ключевые слова: финно-угорские языки, полевая лингвистика, грамматика, марийский язык, удмуртский язык, коми-зырянский язык, эрзянский язык

Keywords: the Finno-Ugric languages, linguistic expeditions, grammar, Mari, Udmurt, Komi-Zyrian, Erzya Mordvin